

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_125-130

УДК: 141.319.8.

ПРЕДЕЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ ВЛАСТИ

THE LIMITS OF HUMAN FREEDOM IN THE CONTEXT OF POWER

Сергеев С.С., аспирант

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия

Sergeev S.S., postgraduate student

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: в статье дается анализ взаимосвязи между категориями свободы и власти через призму наследия античных авторов, в частности Данте Алигьери и Никколо Макиавелли. Кроме того, вводится концепция свободы, как ограничителя и рамок для явления власти.

Abstract: The article analyzes the relationship between the categories of freedom and power through the prism of the heritage of ancient authors, in particular Dante Alighieri and Niccolo Machiavelli. In addition, the concept of freedom is introduced as a limiter and framework for the phenomenon of power.

Ключевые слова: власть, свобода, Никколо Макиавелли, Данте Алигьери, «Государь», монархия, Бог, справедливость.

Keywords: power, freedom, Niccolo Machiavelli, Dante Alighieri, "The Sovereign", monarchy, God, justice.

В длинном ряду вопросов, осмысляемых философской антропологией, особняком стоят два: о сущности власти и свободы. Пронизывая все общественное бытие оба абсолютно онтологических явления оформляются в рамках общественных институтов, порой переплетаясь так сильно, что отделение одного грозит исчезновением другого.

Право, государственное управление, политика – это далеко не полный список. В причудливых формах проявляются власть и свобода в искусстве и науке. Так историческая наука, в сущности, своей являющаяся «лучом сознания» подсвечивающим своим объективным светом актуальные для современности события прошлого сочетает власть актуализирования с относительной свободой интерпретации.

Власть и свобода являются фундаментальными понятиями человеческого существования.

Цель статьи: исследовать пределы человеческой власти через отношение к свободе в фигуре монарха и образ монархии. Выбор фигуры монарха обусловлен дуальностью его положения и положения института, который он представляет. Сочетая в себе имманентные черты частного человека с его достоинствами и недостатками с недостижимыми для

абсолютного большинства людей объёмами ресурсов эта фигура становится идеальной моделью для изучения свободы и власти.

В данной статье предлагается проанализировать взаимосвязь категорий в контексте мысли эпохи Возрождения, в частности, творчества Данте Алигьери (1265-1321) и Никколо Макиавелли (1469-1527). Выбор мыслителей данной эпохи обусловлен переходным её положением. Уникальность мысли Ренессанса (фр. Renaissance) заключается в том, что, освободившись от христианских догматов, излишне сковывающих человеческий ум, она не редуцировала до законодателя общественной или личной прагматики.

Вместе с тем оба мыслителя находясь на значительном хронологическом расстоянии друг от друга открывают, и закрывают эпоху Возрождения. Данте, чей творческий этап пришелся на период Дученто-Тричетно (XIII-XIV в.) еще смотрит на мир через оптику средневековой мысли, в центре которой Бог, онтология, а все что ниже является только Его проявлением. Макиавелли же дитя эпохи Чинквеченто (XVI в.), позднего Возрождения, когда в центре философии окончательно закрепляется человек. Отсюда и его мысль – прагматичное понимание места и функционала монарха в политике.

В 1313 г. Данте Алигьери завершает свой труд «Монархия» [3, с. 5]. В нем он стремится репрезентовать свои рассуждения на три положения: монархия является важнейшим инструментом для установления всеобщего счастья, власть имеет божественное происхождение, Рим стал империей по божественному праву, власть светского монарха не зависит от Папы Римского [3, с. 33]. Раскрывая эти далекие от XXI в. вопросы, ему удастся вскрыть общеисторический и всечеловеческий фундамент власти и свободы.

Эта работа во многом еще средневековая по духу и схеме мышления. Необходимость монархической власти он аргументирует, как это было принято в XIII веке, через христианское понимание бытия и труды античных философов, в частности Аристотеля (384-322 гг. до н. э.).

Согласно Данте, потребность в едином центре управления лежит в человеке на уровне его творения. В намеренье Бога входит все что приближает подобие земного устройства к Божественному, что Данте подтверждает библейской цитатой: «Сотворим человека по образу и подобию нашему» [3, с. 31]. Это подобие тем выше, чем выше уровень единства среди людей. В политической плоскости это проявляется в принципе единоначалия власти монарха.

Этот же принцип он улавливает в Аристотелевской «Политике». В ней Аристотель рассуждает о необходимости упорядочивания множества через добровольное делегирование управления одному человеку. В противном случае невозможно достижения главной цель полиса – достижения счастья [3, с. 31].

Так как подобный принцип стремится к актуализации на низшем уровне бытия, то, чем выше мы поднимаемся по онтологической лестнице, тем полнее он реализуется. Иерархическим способом организуются местные общины для решения своих личных и имущественных дел, существует иерархия и между королями и королевствами [3, с. 33]. Своего максимума этот принцип достигает на высшем, Божественном уровне.

Божественность монархии Данте подтверждает следующими рассуждениями: все что может быть реализовано одним, должно реализовываться одним. В противном случае это

«излишнее», а оно не угодно природе и Богу. Человеческое же общество может управляться одним монархом, а значит это предпочтительнее иных форм правления [3, с. 49].

Являясь продуктом божественного замысла, монархия, согласно Данте, выпускает в мир через себя ряд важнейших функций.

Так справедливость наиболее полной реализации достигает только в обществе, управляемом монархом [3, с. 38]. Согласно мыслителю, наибольшая актуализация справедливости возможна только при силе способной реализовать её. В качестве этой силы Данте видит монархию, где правитель стоит выше любых иных сил в государстве. Только для монарха может быть свойственна абсолютная справедливость [3, с. 40]. Фундаментом для этого служит отсутствие главного противника справедливости в душе человека – алчности [1, с. 71]. Имея огромные ресурсы, монарх просто не имеет предмета желания так как его желания ограничены лишь силой природы. Отсюда следует, что монарху в наименьшей из всех людей степени свойственна алчность и наиболее сильно проявляется справедливость.

Еще одной важной функцией монарха является приведение системы к стабильности и миру.

Данте рассуждает следующим образом: все что создано Богом необходимо для какой-либо цели. Её достижение происходит через актуализацию потенциала интеллекта. Находясь в условиях мира и покоя человек легче и, полнее реализует возложенную на него Богом цель [3, с. 29]. Из этого рассуждения следует, что мир – это наилучшее условие для человеческой деятельности. В свою очередь светский монарх является гарантом мира на своей земле чем способствует достижению человеком возложенной на него миссии.

Наибольший интерес для нашей темы представляют размышления Данте о свободе и монархии. Заявляя, что свобода является одной из высших ценностей и величайших дарований Бога, философ пишет, что лучшие условия для неё возникают в условиях монархической формы правления. Для подтверждения своих слов он ссылается на аристотелевскую схему деления форм правления на позитивные и негативные [2]. Если в демократии, олигархии, тирании человек живет для другого, то в монархии для себя. Кроме того, не имея в своей душе алчности, стремясь к реализации справедливости и потенциала каждого из своих подданных монарх, согласно взглядам Данте, скорее заинтересован в предоставлении свободы гражданам [3, с. 43].

Сам же государь далек от того, чтобы быть свободным. Как законы пишутся для людей, а не наоборот так монарх становится «службой всех». И если внешне он является господином для подданных, то по отношению к высшей цели он становится абсолютным исполнителем [3, с. 44]. Интересно наблюдать за тем, как ограничение свободы монарха становится фундаментом для его власти.

Таким образом, в «Монархии» Данте рисует образ монархии, как форму правления в наибольшей степени угодной Богу. Это основывается на фундаментальном, онтологическом принципе единства: мышления и действия, управления, а также функционале в виде реализации божественных принципов в мире.

Обратимся теперь ко второму мыслителю.

«Государь» (1513 г.) Никколо Макиавелли пронизан духом совершенно отличным от того, что нам представил Данте в «Монархии». Являясь человеком своей эпохи, он деконструировал образ христианского политика. Последний превращается из обладателя «божественной искры» в крайнего прагматика главной целью которого становится забота о власти как таковой [6, с. 3-4].

Нет нужды останавливаться на отдельных положениях этой широко известной работы. Гораздо важнее для раскрытия темы статьи рассмотреть разновидность свободы у философа.

Свобода по Макиавелли идет нога в ногу с ответственностью и прагматизмом. Государь волен выбирать тот или иной инструментарий для достижения своей цели. Внутренний отказ от нее или её недальновидное игнорирование с вытекающим из этого попустительством ведет к страданиям для подданных.

Характерным примером тут становятся его рассуждения о том нужно ли монарху бояться обвинений в жестокости. Макиавелли однозначно заявляет, что не нужно так как учинив разом «несколько расправ» он принесет больше добра чем закрывая глаза на действия преступников будет потворствовать беспорядку, от которого страдают все граждане [2, с. 24].

Тем более не нужно бояться обвинений в жестокости во время боевых действий так как только этот инструмент позволяет сохранить войско в порядке, а значит победить в будущих сражениях, чем сохранить множество жизней своих солдат [4, с. 25].

Кроме прагматики свободу выбора инструментов монарха ограничивает свобода его подданных.

Порой даже внешне благие черты государя в дальней перспективе вызывают презрение у народа. Так щедрость превращается для практикующего её государя в фактор, истощающий казну, что может привести к дополнительной нагрузке на подданных и как следствие к недовольству [4, с. 23].

С готовностью ради блага государства монарх должен брать на себя и грех предательства. Макиавелли посвятил целый отрывок тому, как государь должен держать слово. Суть отрывка сводится к тому, что держать слово необходимо до тех пор, пока это выгодно, когда же потребность в этом отпадает то нужно без колебаний отказываться от него. Подобное же правило исходит не из самих внутренних принципов монарха, а из слабости человеческого рода, который имея свободу воли зачастую поступает именно так [4, с. 26].

В следующем отрывке проблематика Данте и Макиавелли пересекается. Последний пишет: «кто берется направлять народные массы по пути свободы или по пути единодержавия и вместе с тем не предпринимает всего необходимого, чтобы обезопасить себя от врагов нового строя, создает недолговечное государство» [5, с. 33].

Из всего сказанного выше мы можем сделать вывод, что свобода монарха:

Во-первых, направляется априорно заложенной целью. Свобода здесь становится инструментом достижения, а сама направленность не является ограничением, как реализация свободы воли не является ограничением остальных вариантов действия.

Во-вторых, предвосхищается ответственностью монарха перед государством и подданными. Свобода становится ожидаемой моделью поведения у монарха так как только её присутствие позволяет принимать решения, а значит и нести ответственность.

В-третьих, ограничивается самой же свободой. Раскроем этот пункт ниже.

Свобода монархии ограничивается внутренней логикой свободы принятия решения. Для объяснения этого положения предположим, что возникает выбор между вариантом «А» и «В» независимо от предпочтительности выбора, свобода воли является фронтиром для действия, за которым еще ничего нет.

Углубляясь в эту мысли мы можем отметить, что выбор варианта «А» одновременно деактуализирует вариант «В» уничтожая его и ограничивает варианты выбора, а значит саму свободу.

Обозначим это ограничение как внутреннее ограничение свободы свободой.

К тому же, свобода монарха ограничивается свободой его подданных нарушение которой может влечь за собой последствия. С этой точки зрения, это ограничение в сфере практической политики и основывается оно на свободе воли другого человека. Обозначим это как внешнее ограничение свободой.

Вместе с тем, и внешнее и внутреннее ограничение есть начало в высшей степени созидательное. Внутреннее ограничение свободы является первым шагом на пути к реализации планов, тогда как внешнее ограничение свободой задает рамки критерия истины – практики. Игнорирование первой приведет к параличу воли, утрате сил, а значит растрате потенциала и в конечном счете недостижение цели. Игнорирование второго наказывается срывом любых планов.

Таким образом, свобода и ограничение свободой являются онтологической границей, правилами для явления власти в природе. Мы не можем сказать, что полное игнорирование этих рамок не позволят появиться власти, но как жёлудь не является дубом, так и мимолётная власти стоящая на подобном слабом фундаменте не является властью в полной мере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Никомахова этика. – М.: Директ-Медиа, 2020. – 222 с.
2. Аристотель. Политика. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.
3. Данте Алигьери. Монархия. – М.: «КАНОН-пресс-Ц» – «Кучково поле», 1999. – 192 с.
4. Макиавелли Н. Государь. – М.: Планета, 1990. – 37 с.
5. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. – М.: Нобель Пресс, 2011. – 70 с.
6. Сорокин А.С. Переосмысление идеи *virtu* в политической философии Н. Макиавелли // Вопросы науки и образования. – 2019. – № 21 (68). – С. 112-115.

REFERENCES

1. Aristotle. *Nikomakh's Ethics*. – Moscow: Direct–Media, 2020. – 222 p.

2. Aristotle. Politics. – Moscow: AST Publishing House, 2018. – 320 p.
3. Dante Alighieri. The monarchy. – M.: "CANON-press-Ts" – "Kuchkovo pole", 1999. – 192 p.
4. Machiavelli N. The Sovereign. Niccolo Machiavelli, Moscow: Planeta, 1990. 37 p.
5. Machiavelli N. Reflections on the first decade of Titus Livius. – Moscow: Nobel Press, 2011. – 70 p.
6. Sorokin A.S. Rethinking the idea of virtue in the political philosophy of N. Machiavelli // Issues of Science and education. – 2019. – No. 21(68). – Pp. 112-115.